

Александр Житинский

Сено-солома

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Николаевич Житинский

Сено-солома

Серия «Младший научный
сотрудник Петр Верлухин», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170930

Снюсь: Амфора; Москва; 2000

ISBN 5-8301-0216-1

Аннотация

«Летом у нас на кафедре тихо, как в санатории. Если по коридору летит муха – это уже событие. Преподаватели в отпуске, студенты строят коровники в Казахстане, а мы играем в настольный теннис. Мы – это оставшиеся на работе.

В этот день была жара, и я не нашел партнера. Прошелся по лабораториям, покричал, но безрезультатно. Все будто вымерли. Тогда я от нечего делать решил поработать...»

Содержание

Добровольцы	4
Стратегия и тактика	8
Амбалы	14
Девичий монастырь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сено-солома

Добровольцы

Летом у нас на кафедре тихо, как в санатории. Если по коридору летит муха – это уже событие. Преподаватели в отпуске, студенты строят коровники в Казахстане, а мы играем в настольный теннис. Мы – это оставшиеся на работе.

В этот день была жара, и я не нашел партнера. Прошелся по лабораториям, покричал, но безрезультатно. Все будто вымерли. Тогда я от нечего делать решил поработать.

В жару работать вредно. Об этом даже в газете писали. Предупреждали, что не следует злоупотреблять. Поэтому я начал полегоньку. Сел за лазер и плавными движениями стал стирать с него пыль. Я старался, чтобы пыли хватило до конца рабочего дня.

Тут вошла Любочка, наш профорг. Она меня долго искала между шкафами, но все-таки нашла. Любочка очень обрадовалась и сказала:

– Петя! Какое счастье! От кафедры нужно двух человек в совхоз на сено. На две недели. Дело сугубо добровольное. Ты ведь в отпуске еще не был? Это то же самое. Даже лучше.

– Кормить будут? – зачем-то спросил я. В таких случаях нужно сразу отказываться. Но я сразу отказаться не могу, боюсь обидеть человека.

– Еще как! – просияла Любочка. И она принялась рисовать картины природы. Молоко, сено, купание в озере, прогулки при луне и прочее. На прогулки и прочее она намекала с каким-то подтекстом.

– Не могу я, – сказал я уныло. – У меня жена и ребенок.

– Дядя Федя согласился, – сказала Любочка. – А у него даже внуки.

– Ладно, я поговорю с женой, – сказал я.

Жена у меня, надо сказать, очень хорошая женщина. Она умеет решать за меня разные вопросы. Исключая чисто научные. Я сказал ей, что нужно помочь совхозу. Совхоз стоит от недостатка кадров.

– Знаем мы эти кадры, – сказала жена. – Езжай. Это будет вместо отпуска. Только не теряй там голову.

– Голову я оставляю здесь, – предложил я.

– Ее кормить надо, – сказала жена. – Оставь что-нибудь другое.

Вот такой у нас, так сказать, стиль общения. С детства. Со стороны наши диалоги похожи на пьесу абсурда. Но мы отлично друг друга понимаем.

– Пиши письма, – сказала она.

– Поливай фикус, – сказал я.

– Читай классику. Много денег я все равно тебе не дам.

– Все относительно, – сказал я.

– Кроме денег. Их всегда абсолютно нет.

Мы в очередной раз посмеялись над этим обстоятель-

ством жизни, и тема была исчерпана. Жена вынула из кладовки джинсы, в которых я делал ремонт. Почему-то их забыли выбросить в свое время. По расцветке они напоминали политическую карту Африки. К тому же рваную. Теперь им предстояло послужить общественному делу.

На следующий день я сказал Любочке, что согласен. Она меня похвалила.

– Молодец! Все равно бы послали, – сказала она. – А так все-таки легче.

После обеда нас собрали в актовом зале. Народу со всех кафедр набралось человек тридцать. В основном, лаборанты и техники. Были и студенты, которые не успели уехать в Казахстан. Младших научных сотрудников было двое – я и Барабыкина с аэродинамики. Барабыкиной лет тридцать семь, она давно младший научный сотрудник. Теперь, наверное, уже пожизненно.

Выяснилось, что самым главным будет Лисоцкий Казимир Анатольевич. Он не успел уйти в отпуск, его и прихватили. С одной стороны, приятно, что Лисоцкого прихватили. Это редко бывает. А с другой – я не очень хорошо представляю, можно ли пойти с ним в разведку. Мне всегда казалось, что нет.

Дядя Федя, стеклодув, сидел рядом со мной и уже строил планы. Тематически его планы всегда известны. Но он умеет их разнообразить нюансами.

– Лучше брать с собой, – сказал дядя Федя. – Чтобы там

зря не бегать.

Тут как раз начал говорить Лисоцкий. Он хорошо говорит.

– Товарищи! Нам выпала... – начал Лисоцкий, а дальше я начал регистрировать глаголы. Вся суть в глаголах. Умение слушать глаголы экономит время. И нервную энергию тоже. Глаголы были такие: доказать, показать, умеем, знаем, не знаем, косить, сушить, пропалывать, есть, жить, три раза будем, хочу предостеречь, пить и выполним. Еще много раз было «должны», но я не уверен, что это глагол.

Я в это время рассматривал коллектив. Сплошная молодежь. Судя по виду, энтузиасты. Женщин было семь. Шесть молоденьких и Барабыкина.

С этими глаголами я чуть не пропустил, когда и как ехать. Ехать нужно было электричкой, а потом на паровике. До платформы Великое. Поселок назывался Соловьевка, а совхоз «Пролетарский».

– Годится! – сказал дядя Федя. – Значит, должен быть магазин.

Не знаю, почему он так решил. Все разошлись, обсуждая перспективы. Перспективы были радужные. Синоптики обещали незнакомую старожилам жару. Администрация обещала сохранить сто процентов плюс что заработаем минус питание. Жена обещала срочно довязать шерстяные плавки.

Я упаковывал рюкзак и пел песни Дунаевского.

Стратегия и тактика

Нас встретил управляющий отделением. Управляющий был в кожаной куртке и молодой. Веселый и энергичный. Он посмотрел на нас, как старшина на новобранцев, и сказал:

– Ну, сено-солома! Повышенных обязательств мы брать не будем. Главная наша задача – это прокормиться. Продукты мы вам будем отпускать. Но только за ваши заработанные деньги. Понятно?

Мы кивнули. Чего же тут непонятного? Жалко, что не было дяди Феди, он бы чего-нибудь спросил. Дядя Федя перед отходом электрички побежал в магазин и не вернулся. Так что в Соловьевку пока приехал лишь его чемоданчик. Я его тащил.

Управляющий сказал, что завтра в восемь выход на работу, и ушел, уведя с собою девушек. Их должны были разместить отдельно. А мы заняли большой и красивый сарай с одним окошком. В сарае были нары, больше ничего. Стены сарая внутри были расписаны, как в храме. Здесь я увидел автографы нескольких поколений, афоризмы и рисунки типа наскальных у австралопитеков. Обнаженная женщина, голова коровы, бутылка и длинная химическая формула. Наверное, здесь раньше жили химики. Юмора, скрытого в формуле, я не понял.

Я занял места на нарах себе и дяде Феде и вышел взгля-

нуть на природу.

Сарай стоял на пригорке. В двадцати метрах располагалась летняя кухня. Рядом навес, под которым стоял стол. Это, значит, столовая. Чуть дальше две будочки типа сторожевых. Это, значит, тоже понятно.

Внизу блестело озеро. В озере отражался лес. По воде прогуливались равномерные волны, отчего изображение леса было как на стиральной доске. Правее было поле. На нем возвышался огромный сеновал под крышей. Еще дальше болтались вокруг колышков две козы. Они выедали траву по окрестности.

Пришли откуда-то стайкой наши девушки. Барабыкина среди них была как воспитательница детсада. Комплекция у нее средняя между тяжелым танком и баллистической ракетой. Знакомство с девушками началось еще в электричке. Теперь оно продолжилось.

Девушки были девятнадцати-двадцати лет. Кроме Инны Барабыкиной. Остальных звали так: Наташа, Наташа, Наташа, Вера, Надежда, Любовь.

Ей-Богу, я не шучу! Вера, Надежда, Любовь. Любовь была уже замужем, а Барабыкина уже нет. Остальные, следовательно, были невестами.

Чтобы проще было ориентироваться, мы впоследствии разделили Наташ на просто Наташу, Наташу-бис и Тату. Та-та вела себя очень бойко. Кто-то уже попытался к ней подъехать, но тут же отъехал.

Из сарая вышел Лисоцкий в белой панамке. Он положил руки себе на живот и тоже принялся рассматривать окрестности. Потом Лисоцкий предложил провести организационное собрание.

– Все слышали? – сказал Лисоцкий. – Чем больше зарабатываем, тем лучше поедим. Это будет наша стратегия.

– А чем лучше поедим, тем что? – спросила Тата.

– Тем лучше будем работать! – загалдели остальные. – Тем сильнее будем любить! Тем больше будем спать!

Шуточки.

– А чем больше будем спать, тем скорее уедем, – сказал я, чтобы тоже внести свою лепту.

Лисоцкий нахмурился.

– Петр Николаевич, – обратился он ко мне. – Попрошу вас быть моим заместителем. Вы человек уже опытный, будете руководить молодежью.

– Шишка на ровном месте, – сказала молодежь Тата.

– Нами нужно руководить, – кокетливо сказала Барабыкина. Ей понравилось, что она тоже молодежь. Но Лисоцкий охладил ее пыл.

– Инна Ивановна будет поваром, – галантно сказал он. – Вручаем наши желудки в ваши руки.

– Никогда! – заявила Барабыкина. – Не умею и не хочу. Я даже мужу бывшему не готовила.

Понятно теперь, почему он от нее сбежал. Все посмотрели на Барабыкину с сожалением. У Лисоцкого упоминание о

бывшем муже вызвало легкий стыд. И он постеснялся обременять женщину, перенесшую личную драму, нашими общественными желудками.

– Вера! Надя! – сказал он. – Придется вам.

Девушки покраснели, будто их сватают. Но согласились. Таким образом, наша вера и наша надежда оказались связанными с кухней. А с любовью обстояло много сложнее. Лисоцкий это понимал, поэтому после собрания оставил меня на конфиденциальную беседу. Мы говорили как мужчина с женщиной.

– Надо что-то делать, – сказал Лисоцкий, глядя мне в глаза. Это чтобы я понимал подтекст.

– С чем? – спросил я, не понимая подтекста.

– Люди крайне молоды, – сказал Лисоцкий. – Природа настраивает на лирический лад. Вы понимаете?

– Нет, – сказал я.

– Не исключена возможность любви, – прямо сказал Лисоцкий.

– А! – сказал я.

– Вы представляете мое положение как руководителя. Проконтролировать всех я не смогу. Они начнут встречаться, ходить за ягодами, может быть, даже целоваться.

– А потом поженятся, – сказал я.

– А если не поженятся?

– Могут и не пожениться, – согласился я.

– Вот то-то и оно! Тогда возникнут неприятности. Пред-

ставьте себе, что кто-нибудь из девушек... Вы понимаете?

– Нет, – сказал я.

– Петр Николаевич! – воскликнул Лисоцкий.

– А! Понимаю, – сказал я. – Кто-нибудь из девушек залетит?

– Как вы сказали? – не понял теперь уже Лисоцкий.

– Ну, залетит. Моя жена так говорит. По-другому это называется...

– Господь с вами! – закричал Лисоцкий. – Об этом я и думать боюсь.

– А вы не думайте, – предложил я.

– Я не могу не думать. Я руководитель... Нужно принять профилактические меры.

Как выяснилось, Лисоцкий имел в виду средства морального воздействия. Нужно было проводить культурные мероприятия, чтобы у них не оставалось времени на любовь. Этим должен был заниматься я. Учитывая мою относительную молодость.

– Работа, еда, физические упражнения, подвижные игры. Песен у костра лучше не надо. Они настраивают лирически. Такова будет наша тактика, – сказал Лисоцкий.

Таким образом, я оказался заместителем Лисоцкого в поле, поскольку он взялся вести учет и контроль в конторе, а также массовиком-затейником по предупреждению любви.

Вторая должность мне показалась интересной. В самом деле, свести все отношения на рельсы дружбы, а? Это трудно

и почетно. Поэтому я сразу же стал приглядываться к народу. Кто на кого смотрит, как смотрит и зачем. Главное, зачем.

А народ тем временем двинулся на сеновал набивать сеном матрацы. Я пошел вместе со всеми. В руках у меня были два мешка. Дядин Федин и мой.

Амбалы

Вы знаете, что такое амбалы? Нет, вы не знаете, что они такое.

Так написал бы Николай Васильевич Гоголь. Но при Гоголе амбалов еще не было. Они появились совсем недавно. Короче говоря, как я узнал, амбалы – это молодые люди, перенесшие процесс акселерации. То есть ускоренного физического развития.

Сейчас много кричат об акселерации. Акселерация то, акселерация се. В данном случае она меня интересовала с моей точки зрения. С точки зрения миссии, возложенной на меня Лисоцким.

Первое упоминание об амбалах я услышал еще в электричке. Двое молодых людей, каждый на голову выше меня, пели такую песню:

Амбалы отличаются от прочих
Размерами, умом, а также тем,
Что могут заменять чернорабочих
В любой из государственных систем.
В общем, типичная самореклама.

Насчет размеров – это они верно. Умом, как я понял, они тоже отличаются. Просто удивительно, насколько коли-

чество мозгового вещества может быть непропорционально росту. Последствия подобного диссонанса я опишу позже.

Вообще амбалы очень милы, но энергии у них больше, чем потребности в ней. В нашем отряде я насчитал восемнадцать амбалов. О троих стоит рассказать подробнее. Они уже в электричке образовали эстрадную группу.

Амбал Яша выше всех. Такое впечатление, что он не совсем хорошо понимает, что происходит внизу, на земле. Он витает где-то высоко, на уровне верхушек деревьев. Представьте себе белокурого пятилетнего мальчика, которого растянули в длину, как сливочную тянучку. Метра на два. Выражение лица и вес остались прежними. Это будет Яша.

Яша играет на гитаре, как Паганини на скрипке. На одной струне. Его пальцы обхватывают гриф, оборачиваясь вокруг него дважды. Еще Яша пишет стихи.

Амбал Леша похож на боксера. Когда в тренировочном костюме. А когда снимет, то нет. Глаза у него голубые, как его биография. Ясли, детский сад, школа. Леша был идеологом амбалов. Он постоянно напоминал, что амбалы, мол, сделаны из другого теста. И лучше с ними не связываться.

Леша был наиболее опасен в смысле моей миссии. Еще на вокзале, обозрев девушек, Леша воскликнул:

– Кадры в порядке!

Он хотел показать, что он опытный кадровик. Может, так оно и было. Хотя в его девятнадцать лет он просто физически не мог им стать.

Третий амбал Юра, откровенно говоря, амбалом как таковым не являлся. Роста он был ниже среднего. Амбалом его делала прическа. Мало того, что у него были длинные волосы, как у всех амбалов. Каждый волосок у Юры был, как пружинка, если его рассматривать отдельно. В мелких завитках. И цвета вылупившегося цыпленка. Все вместе это напоминало одуванчик.

Эта компания первая понеслась к сеновалу, размахивая наматрацниками. За ними остальные. Девушки к этому моменту успели переодеться в шортики и прочие штучки. Как бы между прочим. Однако с тайным смыслом. Они шли, будто бы не обращая на амбалов внимания.

Амбалы уже прыгали по сеноу, проваливаясь в него по пояс. Потому что были тонкие. Я забеспокоился, как бы они не потерялись в стогу. Потом они стали скидывать охапки сена девушкам. А девушки набивали мешки.

Я тоже набил мешок. Он стал как аэростат. И дяди Федин как аэростат. В итоге два аэростата.

– Девушки, будьте добры, зашейте матрацы, – попросил я. – У меня ниток нет.

– У начальника нет ниток, – сказала Тата.

– Надо помочь начальнику, – сказала Наташа-бис.

И они принялись зашивать мои матрацы, отвратительно хихикая. Барабыкина влезла на сеновал, отчего он сразу сплющился, и работала там.

Амбалам надоело скидывать сено, и они начали заигры-

вать с девушками. Барабыкину они игнорировали. Она для них была женщина другой эпохи.

– Девушки, что вечером делаем? – спросил Леша. Я насторожился.

– А что вы можете предложить? – спросила Барабыкина сверху.

– Приходите, тетя Лошадь, нашу детку покачать, – сказал Яша меланхолично. – Стихи Маршака.

Все заржали. Я ничего не понял.

– Готово! – сказала Тата, перекусив нитку. – Вам помочь донести?

– Я сам, – сказал я и взвалил аэростат на спину. Он был не слишком тяжелый, но громоздкий. Ветер его сдувал со спины, поэтому я качался, удерживая равновесие.

– Начальник у нас хилый, – услышал я сзади голос Таты. Она проговорила это почти с нежностью. Я на секунду потерял бдительность, и проклятый мешок сдуло. Он перекатился через голову и плюхнулся у меня перед носом. А я плюхнулся на него. Я просто физически чувствовал, как улетучивается мой авторитет руководителя.

Мимо прошла Барабыкина. Она играючи несла свой матрас на макушке, как африканка.

Я снова схватил аэростат за угол и дернул. На этот раз вышло еще хуже. Я ухватился не за тот конец, и зашитая сторона оказалась внизу. Нитки, естественно, лопнули, и все сено осталось на земле. А я остался с пустым мешком в руках.

– Кто так зашивает? – закричал я.

– А кто так носит? – ответила Тата.

Я схватил матрац дяди Феди и поволок его по траве к нашему сараю. Там я встретил самого дядю Федю. Вид у него был немного виноватый.

– Очередь большая была, – сказал дядя Федя. – Припоздал.

Мы взвалили мешок на нары, потом принесли мой. Девушки успели его снова зашить. Рядом со мной постелил свой матрац Лисоцкий. Он демократ, решил спать в сарае. Правда, совхоз выдал ему ватный тюфячок как руководителю. Наши мешки возвышались над ним примерно на метр.

– Умнется, – сказал дядя Федя.

Амбалы уже устроились и горячо что-то обсуждали в углу. Вид у них был деловой. Потом они пошуршали рублями, и Юра побежал куда-то с рюкзаком. Лисоцкий понял, что назревает вечер встречи. И помешать этому он не в силах. Поэтому он отозвал меня в сторону и сказал:

– Петр Николаевич, я пойду пройдуся. Посмотрю поселок... Следите, чтобы знали меру. И к женщинам не заходите. Они могут перепугаться.

– Да, как же! – сказал я.

Лисоцкий ушел, а через полчаса в столовой под навесом уже все было готово. Дядя Федор открывал кильки в томате каким-то солдатским способом. Амбалы принесли рислинг. К водке они относятся равнодушно. И слава Богу. А дядя

Федя наоборот. Он достал то, из-за чего опоздал. Получилось солидно.

Мы разлили в алюминиевые кружки, я встал и сказал:

– Парни! За то, чтобы нам здесь было хорошо. Чтобы хорошо работалось и отдыхалось.

– Точно, сынки! – сказал патриарх дядя Федя.

Мы выпили в лучах заходящего солнца. Закусили кильками и всякой снедью, что привезли из дому. Солнце закатилось за лес. Местные жители ходили поодаль и посматривали на нас с любовью. Возле стола появилась рыжая собака. Собака была доверчивая и глупая. Ее называли Казимиром. По-моему, этим выразили симпатию отсутствующему Лисоцкому.

– Пойдем знакомиться с девушками! Они скучают, – сказал Леша.

– Может быть, не стоит? – сказал я. – Девушки устали.

– Пошли! Пошли! – загудел дядя Федя. – Нечего! Только я не пойду. Я спать пойду.

Некоторые последовали примеру дяди Феди. Кое-кто снова побежал в магазин. А к девушкам отправились несколько амбалов, собака Казимир и я. Я решил быть на самом горячем участке.

Девичий монастырь

Между прочим, как вы уже догадываетесь, вся эта история происходила в июле. А в июле ночи у нас уже не совсем белые, но еще светлые. И теплые. Это обстоятельство тоже влияет на чувства.

Девушек мы нашли быстро. Их поселили в конторе управляющего отделением. Через дорогу магазин. Рядом клуб. В общем, очень культурное место.

Поселок уже спал. Только местная молодежь гоняла на мопедах по шоссе. Мы заглянули в окошко к девушкам. Они сидели на нарах с каким-то ожидающим видом. Как на вокзале. Все были причесаны, глазки подведены и так далее.

Мы постучали. За дверью возник маленький переполох, а потом голос Барабыкиной сказал:

– Кто там?

– Мы! – мужественными голосами сказали мы.

Барабыкина нам открыла. Все девушки уже лежали на своих матрацах с таким видом, будто собирались вот-вот уснуть.

– Мы в гости, – сказали мы.

– Поздновато, – сухо сказала Барабыкина.

– Мы спать хотим, – заявила Наташа-бис.

– Ладно, тогда мы завтра, – сказал я.

– Ну, уж если пришли... – сказала Барабыкина.

– Что же с вами делать, – вздохнули Вера и Надя.

Амбалы не ожидали такого приема. Это лишний раз доказывает их неопытность. Они, видите ли, полагали, что женщины будут кричать «ура!» и в воздух – как это там? – чепчики бросать. Совершенно не знают женщин.

У девушек в комнатке было уютно. Удивительно, как это женщины умеют из ничего создавать уют. И еще у них был стол. И печка, которая торчала из стены одним боком.

Мы поставили на стол, что принесли. Девушки немного помялись, а потом вытащили из-под матрасов три бутылки рислинга. Сказали, что это им подарили в дорогу родители. А они так прямо не знали, что с ними делать. С бутылками, имеется в виду.

Через двадцать минут все уже были на «ты». Включая Барабыкину. Амбалы расползлись по нарам, образовав с девушками живописные группы. Девушки держались дружески, но не больше. Люба сидела, поджав коленки к груди, и размещала правую руку так, чтобы всем было видно ее обрубальное колечко. Она полагала, что это ее обезопасит от амбалов.

Яша взял гитару и стал перебирать струны. В дверь кто-то заскребся. Девушки открыли, и в комнату вбежала радостная собака Казимир. Казимир был вне себя от счастья, что его допустили в компанию. Девушки сразу же переключили все внимание на Казимира. Тому досталось столько нежности, что я испугался, как бы пес не рехнулся с непривыч-

ки. И опять я и амбалы расценили это по-разному. Амбалы немного обиделись, что Казимиру все, а им ничего. Но я-то понимал, что для девушек это единственный способ излить свои сдерживаемые эмоции. Не амбалов же гладить, в самом деле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.